

Фольклор и фольклористика в СПбГУ

[На главную](#) [Контакты](#)

- О проекте

- Образовательные программы

- Материалы по курсу

**Хрестоматия по
фольклористике**

Лекции

Звуковая хрестоматия

- Персоналии

Учителя и ученики

- Студенческие научные работы

- Проект «Коммуникативные
конвенции устной речи»

Полевые отчеты

- «Вести с полей»

- Сказки в записях нового века

Семиотика русского дома

Контакты

<< Левкиевская Е. Е. Мифологический персонаж: соотношение имени и образа

«All right», said the Cat; and this time it vanished quite slowly,
beginning with the end of the tail, and ending with the grin,
which remained some time after the rest of it had gone».
«Well, I've often seen a cat without a grin», thought Alice;
«but a grin without a cat! It's the most curious thing
I ever saw in all my life!»

Lewis Carroll «Alice in Wonderland»

Исследователь, знающий славянскую мифологию по «живым» полевым материалам, а не по препарированным книжным фактам, хорошо понимает, как трудно построить типологию мифологических персонажей даже для одной традиции, не говоря уже об общеславянской типологии. На пути этнолингвиста, занимающегося славянской мифологией, стоят две серьезные проблемы. Во-первых, проблема тождественности различных вариантов мифологического персонажа в родственных традициях и построения на их основе общеславянского инварианта. Действительно, что позволяет нам считать серб. *вампира*, пол. *wieszczygo*, рус. *упыря* вариантами единого общеславянского образа, а не самостоятельными персонажами, возникшими независимо друг от друга в позднейшую эпоху? Ответ на этот вопрос невозможен без решения второй проблемы — как «устроен» сам мифологический персонаж, каково соотношение его имени и образа.

У исследователей славянской мифологии стало общим местом сетование на то, что элементы мифологической системы, привычно называемые персонажами, настолько структурно разнородны, что непросто найти общий алгоритм для их описания. При этом в метаязыке научного описания мифологии термином «персонаж» принято называть все ее элементы, все субстантивно оформленные «сгустки» мифологических функций. Но не содержится ли в этом термине определенного парадокса? Из нормативной теории языковой номинации мы знаем, что слова в языке делятся на две большие группы — слова, называющие *предметы* (имена существительные), и слова, называющие *признаки, состояния* этих предметов, а также *отношения* между предметами (глаголы и прилагательные). Термин «персонаж», которым называются элементы мифологической системы, является предметным именем, а следовательно, должен обозначать то, что может быть описано как *предмет*, или *существо*, пусть и относящееся к потустороннему миру (мы оставляем за рамками статьи дискуссию о корректности применения к элементам мифологии таких понятий как «существо», «субъект», «субстанция», основываясь на том, что в рамках описываемой традиции их существование признается реальностью, а следовательно, в этих рамках к ним применимы такие же понятия, как и к элементам реального мира). Но все ли элементы мифологической системы описываются самими носителями традиционной культуры именно как предметы, существа, субстанции? Рассмотрим несколько примеров:

1. “Шо поздень, шо посеред нозчи - однес. Мосже злякаса, зрозбица погасно днєм, як и нозчю. Серезд дня русалки ходили по жисту. Моя масти их колысь басчила. Касже: “Приходю до жиста, басчу - спевать девошки ў белых веночках, пластьчках: “Мене масти народила, на камушек посадила” - русалки, це ж нехришчене девошки, шо так умираюць” (Боровое, зап. Т.А.Коноваловой).

2. “Это не при моей бистности, но мне старшие рассказывали. Уот и здесь есть дорога.. То, касжэ, кадас-то там пужало, лякало. От нозчю, ессли средиз нозчи едеш, то дасжэ можэ тебе на ходуз колејса снять с ўоза и оставнесса просто сам. [Что это лякало?] Какой-то злой дух, чорт. Ягоз нихтоз не мог басчыть. Проссто ты яго не видишь, ничозго, а то свизшчэ, то возздух такис, вестром тебя поддувае. Як начнес чоловек Богу молишца, хрестишца, оноз ўсеј удализца, и чоловек проежжае, дозльше есдэ” (Радчицк, зап. О.В.Санникова).

3. “Мы спустилися рыбу ловить. Из воды кто-то выглядыва. Я полог тяну. Оноз выглянуло цејрное и говорит: “Много ли наловили?” (Сура).

4. Легли спать в [лесной] избушке. Дымник как вылетит. Всие затрусили. Там захохотало: “Ха-ха-ха! Вас много, нас больше!” (Сура).

5. “Вот бука идеј, не ревиз, а то буска возмет” (Сура).

Во всех приведенных текстах описывается одна и та же ситуация — столкновение человека с «иномирным» существом: *русалкой*, «каким-то злым духом, чертом», чем-то черным, что живет в воде, чем-то, что живет в лесной избушке и способно хохотать, наконец, некой «букой», которой пугают детей. Очевидно, что эти персонажи отличаются друг от друга степенью своей персонифицированности, или, выражаясь философским языком — своей способностью восприниматься в качестве «существа», «субстанции».

Если русалка, описанная в полесском тексте, в полной мере осмысливается как существо (она выглядит, как маленькая девочка в белом, появляется в полдень в жите, происходит из детей, умерших некрещеными, наконец, она называется русалкой), то у персонажа из примера № 2 «субстанциональность» уже сильно ослаблена — неизвестно, как он выглядит (да для информанта это не очень и важно), он не имеет персонального имени, а его название обобщенным именем (*злой дух, черт*) происходит только после прямого вопроса собирателя. Зато на первый план выдвигается его функция — способность пугать, причинять вред человеку ночью на дороге. Принадлежность персонажей из текстов № 3 и 4 к категории существ редуцирована почти до нуля (если про того, кто сидит в воде, мы хотя бы знаем, что он черный и называется *оно*, то о тех, кто живет в лесной избушке, мы не знаем вообще ничего), они представляют собой почти «голое» действие — способность пугать людей, вторгшихся в их «среду обитания». Поскольку их «предметность» сильно ослаблена, то у них нет и соответственно выраженного предметного имени. Зато бука из последнего примера, напротив, состоит почти что из одного имени, т.к. ее сигнификат сильно усечен — про нее известно только то, что она есть и что она называется *букой* (сказать, что она пугает детей, нельзя, ведь она сама этого не делает — ею пугают).

Итак, перед нами довольно пестрая картина разнородных мифологических элементов, во многом представляющая абсурд с точки зрения «нормальной» лингвистики — здесь в качестве персонажей представлены и функции, не имеющие привычного предметного имени, и имена, у которых уже почти не осталось функций — и «коты без

улыбок» и «улыбки без котов», если вспомнить эпиграф из Льюиса Кэрролла. Даже беглый анализ приведенных здесь примеров показывает, что только некоторые из «персонажей» описаны информантами как *предметы* (а именно *русалка* и, в меньшей мере, злой дух из примера № 2), тогда как большая их часть (мифологические элементы с ослабленной и редуцированной субстанциональностью) гораздо ближе к категории действий и состояний.

Т.о. налицо очевидное несоответствие между укоренившимся в науке подходом к описанию мифологической системы и ее описанием с точки зрения самих носителей традиции. В метаязыке науки все элементы мифологической системы описываются как «персонажи» (т.е. молчаливо подразумевается, что все они являются «предметами», «субстанциями»), в том числе и те, которые в рамках самой традиции описываются скорее как действия и состояния и обладают весьма неразвитой субстанциональностью. К сожалению, часто внимание исследователя сосредоточивается только на «правильных», «полноценных» персонажах, остальные просто не принимаются во внимание и остаются за рамками исследования системы. Внимательное изучение диалектных текстов показывает, что сами носители традиционной культуры гораздо чаще и охотнее описывают мифологические элементы прежде всего как предикаты, а не как «субстанции». Потому что с точки зрения традиционной культуры сами по себе внутренние свойства «иномирного» существа не представляют отвлеченного гносеологического интереса (как, например, для ученого, исследующего объект природы), а интересны постольку, поскольку они направлены на человека и его мир.

Анализ полевых материалов и опыт общения с информантами подтверждает существование ощутимой разницы между логикой собирателя, который строит свои вопросы о мифологических элементах традиции как о «существах» («Кто такая русалка?»; «Как выглядит дух, который гоняет по ночам корову?» и под.) и логикой носителя традиции, который прежде всего характеризует персонаж через его основные функции и только во вторую очередь (часто под давлением собирателя) как «существо», имеющее определенные признаки. Когда же носитель традиции строит текст самостоятельно, без влияния собирателя, он часто вообще перестает заботиться о субстантивной «оформленности» того мифологического элемента, о котором рассказывает: «Был дом на Порогосте [название деревни] — страшно дело, как *пугало*. Лягут спать, чуют — с *повети* *спускаеца*, в *узбу* *заходит*. В том доме *сотворилось*. Хозяйка померла. Дом згорел, она и повесилась на накидке. Недаром *пугало*, всеј *беду* *предвещало*. [Собиратель: «Что пугало?»] — *Беда пугала*» (Сура). Характерно, что информант переводит безличную глагольную конструкцию (*беду предвещало*) в субстантивную категорию (*беда пугала*) только под воздействием собирателя. Ср. также характерные рассказы севернорусских крестьян о колдунах и колдуньях, портящих коров, отнимающих у них молоко: «Она *портит* умела»; «*Портили* скота — нигде молока нет»; «У вас молоко совсем *уведејно*»; «У меня корову *нарушали*»; «Не знаю, куды молоко *уведејно*. Корова к смерти приговорејно [об испорченной корове]»; [О пастухе-знахаре]: «Один старик в колхозе пастухом — он *что-то* *знал*, он идет [вокруг скотины] и говорит, он или обходил, или обчерчивал, или *каки слова* *знал* — и скотина собираеца» (Тихманьга). Показательно, что во всех этих случаях информанты избегают называть колдунов предметным именем, предпочитая описывать их через их характерные действия, обозначаемые безличными или неопределенно-личными глагольными конструкциями.

Эта тенденция касается как мифологических элементов с «недооформленной» субстантивностью, так и вполне устойчивых и развитых образов, например, ведьмы или домового. Ср. полесские, карпатоукраинские и севернорусские рассказы, где образы ведьмы и русалки описываются прежде всего через систему их характерных действий:

“Одна жинка на Ивасна *розибрасласэ догосла*, ну и *ходэла* там до стайни ў хліў до сусэда *ворожэстэ*, *молоко* *видобрастэ* у коровэ» (Тисов); “Она *можже испортит*. Боязца тех людей. Есь люди, котосры *скотышну портят*, той не доит. Той буде катышасми, а молока нет. И *ладить умеют и портить*” (Сура); “Як людысна *ведьма*, с *нэчыстым духом* *знасеца*, *ведьма скатышну портит* ўсёгда, вона у чужых каровэ *малакос тэгне* и ў сваёс хазяйства *нэсэс*. Як *ведьма буэда*, то вуж *буэда* у нёос ў *хлеве*, *ужж малакос тэгне* у чужих каровэ *сэс*, *малакас натыг* и ей *нэсэс*, шоб багаста *малакас булоэ* у каровы” (Олбин, зап. Е.П.Чекановой); [О русалке]: “Видасли разньше люди, говасривали. *Высидет* из реки, на камень *сясдет*, *волосы* вот такис *чесшет*. Её увидят, а она *нырнејт*, да и всеј (Тихманьга).

Чем же объясняется подобная тенденция описания мифологического персонажа в народной культуре? Славянские мифологические системы в том виде, в каком они нам известны по источникам XIX-XX вв., имеют одну принципиальную особенность по сравнению с «классическими» мифологиями, обладающими хорошо сформированным пантеоном: славянские мифологии «антропоцентричны», иными словами, в них почти не разработаны или плохо разработаны сюжетные отношения между персонажами внутри системы, а все сюжеты строятся по принципу «персонаж -действие — человек» или «человек -действие — персонаж». Герои, к примеру, греческой мифологии связаны друг с другом большим количеством внутренних сюжетных линий — мы знаем кто из них кому муж, жена, брат, сын, кто кого любит, а кого ненавидит, кто с кем борется, а кому помогает. Все это почти полностью отсутствует в славянской традиции. Конечно, известно, что водяной женится на утопленницах, жену лешего зовут лешахой, а состав семьи у севернорусского домового совпадает с составом семьи хозяина дома, но это имеет второстепенное значение для порождаемых в традиции мифологических текстов, в которых единственной сюжетной доминантой является действие персонажа по отношению к человеку (или человека по отношению к персонажу), а сведения о жизни мифологического существа «за кадром» былички или поверья откровенно не важны. Мы не знаем, что делает *злой дух* из примера № 2, когда он не пугает людей и не снимает с телег колеса — любит ли он кого-нибудь или мучается от одиночества, красив ли он, как Аполлон, или уродлив, как Гекст; мы не знаем, как проводит свою жизнь бука, когда ею не пугают детей, и чем заняты те, из лесной избушки, когда в ней не ночуют люди.

Можно констатировать, что трудность типологического описания славянских мифологических систем в значительной степени носит чисто психологический характер и связана с традиционным восприятием исследователем персонажа исключительно как «предмета», «субъекта», или, выражаясь языком философии, — «субстанции», — словом, того, что в языке обычно обозначается грамматической категорией имени существительного. Это восприятие, выработанное исследователями при изучении классических мифологий (и, вероятно, оправданное в применении к таким «развитым» традициям, как греческая, римская или скандинавская), было механически перенесено на славянскую мифологическую систему еще в то время, когда национальные мифологии искусственно «подгонялись» под «престижные» классические образцы (вспомним списки «богов» у Яна Длугоша или у М.В.Ломоносова, сопровождавших каждый славянский персонаж параллельно из греческой или римской мифологии). Свою роль при создании стереотипа мифологического персонажа, вероятно, сыграла и художественная литература, поскольку мифологический персонаж по своему строению и законам существования в тексте вольно или невольно уподоблялся герою литературного произведения. Очевидно, что славянские мифологии и по истории своего развития, и по структуре, и по типологии принципиально отличаются как от классических традиций, так и от литературных текстов, а следовательно, должны изучаться с учетом их внутренней логики. Впрочем, вероятно, не следует отвергать сам термин «персонаж» для обозначения устойчивых элементов мифологической системы — он достаточно удобен и привычен, но не следует забывать о его условности в применении к реальным текстам традиционной культуры.

Т.о. следует признать, что только часть славянских мифологических персонажей подпадает под понятие «субстанции», другая часть может быть описана как действие или состояние, а остальные представляют собой нечто среднее между предметом и действием и могут быть определены как что-то вроде «субстантивированного» (или персонифицированного) действия. Если представить себе некую условную шкалу, на одном конце которой находится

категория «предметы», а на другом — категория «действия», то мифологические персонажи расположатся по всей длине этой шкалы, начиная с деления «предмет» и кончая делением «действие».

Конечно, построить дробную и точно выверенную градацию мифологических элементов по степени их субстанциональности/ предикативности невозможно да и вряд ли необходимо, поскольку в разных микроареалах степень «определенности» одного и того же персонажа может быть разной. Но основные пункты классификации выделяются сравнительно легко:

а) В первую группу входят легко вычленимые и хорошо изученные персонажи, занимающие центральное и наиболее устойчивое место в системе, обладающие большим количеством признаков, функций, мотивов и сюжетных линий. При описании таких персонажей по классической схеме (Схема 1989, 78-85), большинство позиций (функции, внешний вид, одежда, время и место появления, генезис, атрибуты и пр.) будут заполнены. Эти мифологические элементы в наибольшей степени оформлены в текстах как «существа» (они имеют конкретный облик человека, животного, предмета) и обладают наибольшей степенью субстанциональности. Они всегда имеют персональное имя, редко смешиваются в сознании информантов с другими персонажами, и поверья о них распространены в пределах хотя бы одной национальной традиции, а часто — и в нескольких традициях. Можно предположить, что эти персонажи представляют собой наиболее ранние образования мифологической системы. Сюда относятся, к примеру, *о.-слав. вампир, волколак, рус. домовой, леший, водяной, полес. русалка, з.-слав. и ю.-слав. мора, ю.-слав. вештица, вила, змај, в.-слав. ведьма* и др.

б) Отдельную группу представляют персонажи, равные одной конкретной функции, например: сбивать человека с дороги; мучить по ночам скотину. Эти персонажи интересны тем, что наглядно демонстрируют приоритет в мифологической системе функции над ее «персонажной», предметной оформленностью. Чаще всего в эту группу входят функции, которые в одних ареалах «пристегнуты» к персонажам первой группы, а в других существуют как самостоятельные единицы мифологической системы. Например, способность сбивать человека с дороги, заставляя его блуждать в русской традиции приписывается *лешему*, в польской — *бледным огонькам* — т.е. персонажам, у которой помимо указанной, есть еще и другие функции, а в западноукраинской традиции эта функция существует самостоятельно и осмысливается как отдельный персонаж, обычно не имеющий никаких внешних признаков и обозначающийся как предметным именем (отглагольным существительным) — *блуд (Самаково), блуднэк (Тисов), так и предикатным — шось восде, заблусдэ людэй (Тисов)*, но субстантивированная или предикатная форма имени никак не влияют на объем самого понятия. Похожим образом в западном Полесье «устроена» мифологическая функция «гонять, мучить по ночам скотину». У русских она является одной из функций домового, у кашубов этим занимается *мора* — персонажи, для которых мучение скотины — не единственная их характеристика. В той части Полесья, где традиционный образ *домового* не известен, эта функция существует сама по себе и приписывается обычно некоему абстрактному *злому духу*, о котором больше ничего не известно: «Як корова мокрая — то *злы дух*, то *поганы* пудкохнецца, седз на нее и катаецца» (Радчицк, зап. О. В. Санниковой).

в) В третью группу можно отнести персонажи с ослабленной, но все-таки сформированной субстанциональностью, признаками чего обычно служат отсутствие четкого образа (то, что иногда называют «нульморфным» образом) и отсутствие индивидуального имени — вместо него информанты используют общие, «родовые» имена нечистой силы — *черт, злой дух, нечистый* и пр., которые они обычно называют под давлением собирателя. Таким образом строятся представления о персонаже, когда его образ или уже начинает разрушаться в данной традиции, или, напротив, не был до конца сформирован. Примером может служить полесский *водяной*, образ которого в некоторых районах Полесья размыт и который поэтому воспринимается как некий злой дух с неясными характеристиками, сидящий в воде и затягивающий туда людей.

г) Персонажи этой группы представляют собой разновидность персонажей предыдущей группы с еще более ослабленной субстанциональностью. Они наделены одной-двумя общими функциями (пугать, вредить, приносить зло), их генезис неизвестен, а их действие часто приурочено к какому-либо конкретному хронотопу (вредят только вечером или ночью, только на определенном участке дороги, на мосту или в овраге и т.д.). Их ослабленная субстанциональность обычно характеризуется местоимениями среднего рода (*оно, что-то, это*) и неопределенно-личными и безличными глагольными конструкциями. Это персонажи «местного значения», но внутри ареальных мифологических систем они занимают значительное место.

д) К предыдущей группе примыкают персонажи с почти несформированной субстанциональностью, функции которых обозначаются почти исключительно безличными конструкциями: «Повисдеца всеј» (Сура); «Не одну меня пугасло» (Сура); «[Там] пусджае», «восдз», «лякасе» (примеры из карпатских материалов).

е) Если к предыдущим группам относились персонажи с ослабленной субстанциональностью, то в данную группу входят персонажи, состоящие почти из одного имени, с изначально редуцированным понятием — своеобразные «улыбки без котов». Это почти всегда персонажи-«устрашители» (*бука, бабай, кока* и под.), которыми пугают детей, или мифологические имена, перешедшие в разряд пейоративной лексики. Сюда же относятся мифологические имена, обозначающие некогда «полноценные» персонажи, но образ которых в традиции оказался полностью разрушенным: «Каки-то *волосатки* бегали, *женщина-волосатка*» (Сура).

Следует подчеркнуть, что строгих границ между отдельными группами персонажей не существует, и субстантивированность одного и того же персонажа зависит не только от неодинакового развития одних и тех же мифологических элементов в разных ареалах, но и в немалой степени — от личности самих информантов внутри одного ареала, их знания традиции, общего уровня сохранности традиции в селе, а также от того, самостоятельно ли информант формирует свой текст или под влиянием вопросов собирателя. Но наличие многих частных и субъективных факторов, под влиянием которых формируется рассказ о мифологическом персонаже в народной традиции, не может скрыть основной тенденции — описания персонажа как предиката, как совокупности его функций.

Как уже говорилось, с точки зрения логики традиционной культуры функция мифологического персонажа гораздо важнее его «субстанциональности» и именно она формирует персонаж — проверить этот тезис достаточно просто: достаточно сопоставить описания одного и того же персонажа, например, польской *złoty*, в рамках целой традиции и посмотреть, какие элементы его образа будут варьироваться, а какие окажутся неизменными. Наиболее изменчивыми и вариативными являются те элементы образа, которые указывают на внешний вид *złoty*, (т.е. описывают ее как «предмет»): поляки воображают *złoty* как неясно различимую тень, женщину в белой одежде, старую омерзительную бабу, очень бледную или очень худую и высокую женщину, ребенка в красной шапочке, как кошку, коня, колосок или соломину, клубок, колесо и т.д., но во всех описаниях остаются неизменными ее функция душить, давить спящего человека и обстоятельства, при которых эта функция реализуется. Именно эта предикативная часть образа *złoty* и будет ключом для решения вопроса о тождественности разных вариантов этого персонажа. Подобная ситуация характерна и для остальных персонажей, даже (хотя и в меньшей степени) для центральных образов системы (таких, например, как *русалка* или *вампир*).

Функция не только формирует персонаж, но и по существу является «первичной единицей» мифологической системы, ее наиболее устойчивым и одновременно — наиболее подвижным элементом, который сохраняется за счет своей достаточной автономности от «предметного» образа, т.е. способности отделяться от одних мифологических образов и присоединяться к другим. Об этом свидетельствует тот факт, что в разных точках славянской традиции одна и та же функция может соединяться с абсолютно разными образами, как, например, функция «обменивать ребенка, оставленного матерью без присмотра». В ряде славянских традиций эта функция проявляется в сюжете: некий мифологический персонаж обменивает оставленного матерью ребенка на своего детеныша некрасивого, неопрятного, прожорливого и не развивающегося. Мать должна бить это существо, чтобы заставить его мифологического родителя, забрать своего детеныша и отдать ей ее настоящего ребенка. На Русском Севере этот сюжет связывается с *банныком*, на украинских Карпатах — с *дикой бабой* или *поветрулей*, у поляков — с богинкой, у кашубов — с карликами.

Очевидно, что все эти персонажи имеют разный генезис и структуру и что субстантивное «оформление этой функции абсолютно второстепенно и никак не влияет на ее сюжетную реализацию во всех традициях. Функция „мучить и гонять по ночам скотину“ у русских связывается с образом *домового*, в западной Белоруссии — с *марой*, в западной части Полесья — с *чертом*, *злым духом* и др. обобщенной нечистой силой („Когда скотина мокрая — *нечистые гоняют*“), у кашубов — с *карликом* (если ночью со скотом что-нибудь случается, говорят, что „*krosni...ta go udusiy*“, Nadmorski 1892, 109).

Приоритетом функции над субстантивным образом объясняется непонятное (с точки зрения собирателя) равнодушие информанта к тому, как называется и как выглядит то существо, которое совершает определенное мифологическое действие. В той части восточнославянской традиции, на которой известен антропоморфный образ *домового* — мифологического покровителя дома, параллельно существует зооморфный образ (*ужа или ласки*), который частично обладает теми же функциями, что и антропоморфный персонаж (чаще всего по отношению к скотине). С точки зрения исследователя антропоморфный домовый и зверек ласка абсолютно разные персонажи, но для информантов это одно и то же, поскольку они совпадают как функции, а их субстантивная разница не имеет решающего значения: „Дедушко-домовейшко в подполье, где цејмно. [А ласка?] — *Ласка* — *то и есть домовейко*. Не по двору кака животина, так не любила белых лошадей и белых коров, так спутает ноги, вся в пень была лошадь“ (Сура).

На этом примере хорошо видно отличие мифологического текста от обычного. В обычном тексте значения предметных имен более автономны и абсолютны, а значения признаков (или предикатных) имен детерминированы, в частности, особенностями тех предметов, признаки которых и отношения между которыми эти имена обозначают. В мифологическом тексте ситуация скорее обратная — абсолютными и автономными являются значения предикатных имен (большинство из них являются общими и неизменными для всей славянской мифологической системы), тогда как значения предметных имен неустойчивы и непостоянны.

Обращает на себя внимание еще одно несоответствие, касающееся отношений между предметами и предикатами в мифологических и обычных текстах: если предикаты обозначают отношения между предметами (в мифологическом тексте — между персонажем и человеком или человеком и персонажем), то в обычной ситуации предполагается, что оба этих предмета известны. В текстах, описывающих мифологическую ситуацию, всегда хорошо известен только один из „предметов“ (человек), второй же „предмет“ (персонаж) может быть не известен вовсе, но зато действие, направленное им или на него, бывает выражено всегда. Т.о. в мифологическом тексте действие не только превалирует над тем мифологическим образом, к которому относится, но зачастую может существовать само по себе, как улыбка чеширского кота, лишь со слабым указанием на мифологическое „нечто“, от которого оно исходит.

Вышеизложенный материал показывает, что мифологический персонаж логичнее рассматривать не как „предмет“, а как функцию или „пучок“ функций, скрепленных именем. Однако такое определение довольно расплывчато и однобоко, т.к. во-первых, оно игнорирует тот факт, что реально существующие в традиции образы содержат большее или меньшее количество признаков, указывающих как на степень их субстанциональности, так и на обстоятельства, при которых они реализуют свои функции; во-вторых, это определение не отвечает на вопрос, что такое функция; в третьих, оно не решает проблемы, поставленной в начале статьи и касающейся тождественности вариантов одного и того же образа. Однако такое определение позволяет уподобить мифологический персонаж фонеме.

Фонема, будучи абстрактной единицей, состоит из бесчисленного количества реализаций, которые отличаются друг от друга второстепенными признаками, каждый раз сохраняя главные, фонемообразующие признаки. То же самое можно сказать и о мифологическом персонаже: строго говоря, русский мифологический персонаж, например, *домовой* такая же абстракция, как и фонема русского языка „а“; он существует только в виде огромного числа конкретных реализаций (в текстах поверий и быличек, существующих в микротрадициях), частично отличающихся друг от друга, но сохраняющих общие для этого персонажа релевантные признаки, которые и позволяют идентифицировать конкретный мифологический образ как *домового* и отличающие его от остальных персонажей.

Необходимо заметить, что соотношение между релевантными признаками, образующими „ядро“ персонажа и признаками второстепенными, находящимися на периферии образа не является жестко закрепленным — некоторые дифференциальные признаки могут ослабляться и „скатываться“ на периферию образа, а второстепенные — развиваться и переходить в разряд значимых, в ядро образа персонажа. Но если часть признаков и действий, образующих персонаж, может меняться в зависимости от микротрадиции, то какая именно их часть остается неизменной на всей территории распространения образа и может служить надежным показателем тождественности вариантов одного персонажа?

Очевидно, что не все действия, приписываемые персонажу в каждом из микроареалов, можно назвать функцией. При анализе перечня действий, которые приписываются в различных славянских традициях, например, водяному демону, можно заметить, что наиболее вариативными и меняющимися в зависимости от традиции являются те действия персонажа, которые характеризуют его самого: водяной поет, играет на дудке, на скрипке (пол.), проигрывает в карты рыбу соседнему водяному (с.-рус.), шьет или чинит ботинки (з.-слав.), расчесывает волосы или „ищется“ (карпат.-укр.), любит есть бобы и горох (пол.), чинит ручные мельницы (словац.), сушит свои перины на берегу (пол.), шапкой ловит рыбу (чеш.) и т.д. Напротив, наиболее устойчивыми и общими для всех славян являются те действия персонажа, которые направлены на человека: водяной пугает и топит людей, затягивая их в воду; он — хозяин водоемов, рыбы, водоплавающей птицы; он вредит рыбакам, мельникам, плотникам, если они не почитают его, и помогает им, если они приносят ему жертву. Легко заметить, что первая группа действий обозначается глаголами, которые в теории языковой номинации называются субъектными, т.е. обозначающими действия, „замыкающиеся в самом субъекте (означающие физиологические процессы, физические и психические состояния, нравственные и интеллектуальные поступки субъекта и производимые им звуки). Вторая группа действий, напротив, обычно обозначается объектными глаголами (обозначающими действия, которые направлены на объект, в данном случае на человека) или глаголами эмоционального воздействия, имеющими двойную отнесенность — к субъекту и объекту (*пугать, страшить*).

На основе этих рассуждений можно определить функцию как маркированное и закрепленное в традиции действие персонажа, направленное на человека (или направленное на персонаж со стороны человека) вместе с признаками, характеризующими обстоятельства, при которых оно реализуется и обозначаемое, как правило, объектным глаголом. Т.о. вопрос тождественности различных вариантов одного персонажа решается при сравнении *совокупности* тех действий персонажа, которые обозначаются объектными глаголами. Важно подчеркнуть, что мерилом тождества вариантов персонажа служит именно совокупность функций, а не какая-то одна совпадающая функция, иначе нам придется заключить, что с.-рус. *банник*, з.-укр. *поветруля*, пол. *богинка* и каш. *карлик* являются вариантами единого персонажа, т.к. имеют общую функцию обменивать детей.

Из приведенных выше примеров видно, что мифологический персонаж в системе может быть оформлен и как существо, проявляющее себя через определенные функции, и как функция с редуцированным субстантивным оформлением (между этими полюсами существует множество вариантов), и как имя с редуцированным сигнификатом (а значит, не соотносящееся почти ни с какими функциями). Такой взгляд на структуру мифологического персонажа диктует необходимость определить, какие знаки могут служить именем персонажа. Привычное отношение к персонажу как к некоему существу („предмету“) подразумевает, что названиями персонажа служат предметные имена (существительные, субстантивированные прилагательные, личные и указательные местоимения), а элементы, не вписывающиеся в категорию предмета, традиционного названия вроде бы не имеют. Чтобы решить этот вопрос, необходимо вспомнить, что между именами, обозначающими предметы и именами, обозначающими действия и признаки, вовсе нет непроходимой границы, о чем упоминал еще Бенвенист. Одно и то же понятие (например, дождь) в одном случае может быть выражено именем существительным, как в русском языке, а в другом — глаголом: *pada* в польском, *it is raining* в английском. Абсурдно было бы предположить, что у русских для понятия этого вида атмосферных осадков есть наименование, а у поляков и англичан нет.

В текстах традиционной культуры граница между предметным и предикатным именем еще более относительна, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из полевых материалов, в которых одна и та же мифологическая функция выражается как предметным именем, так и предикатным. Наиболее распространенная функция нечистой силы пугать человека в одних случаях обозначается безличной глагольной конструкцией: «Не одну меня пугасло» (Сура); «[Там] пусджае» (Дубы), в другом случае уже имеется субстанциональное «несчто», которое совершает это действие, но крайне неясное и называемое в среднем роде: «Пусйжало нэчисстэ людэсй» (Тисов), наконец, эта функция может обозначаться предметным именем: «Як клубком кастица, або стасе ста^ўбам стаисць — пужаска» (Жаховичи). Об условности границы между предметным и предикатным именем говорят и многие другие примеры, в частности, существующий в карпатской традиции целый ряд мифологических наименований, которые могут быть оформлены и как императивные или сослагательные глагольные конструкции (о черте: «той, бодасй скамені; в, бодасй мосци не масв», Колесса 1898, 93; «беда, щчезла би», Самаково) и как субстантивированные глаголы («на галузи сидит щчез би», Гнатюк 1912/1, VIII) и как отглагольные существительные (скаменюшник, Гнатюк 1912/2, 18; подробнее см.: Левкиевская 1993, 93-102). Т.о. следует признать, что предикатное имя является таким же полноценным наименованием персонажа, как и предметное. В тех случаях, когда персонаж представляет собой одну функцию, естественно, что его наименование (*водит*, *пугает* и под.) будет одновременно обозначать и само действие.

Проанализированный материал позволяет сделать некоторые выводы:

1. Мифологический персонаж в славянской народной традиции представляет скрепленный именем пучок функций (или отдельную функцию), обозначаемых, как правило, субъектными глаголами. Субstantивная оформленность у разных групп персонажей может быть очень разной.
2. Функция мифологического персонажа играет доминирующую роль для его формирования и существования в мифологической системе по сравнению с субстанциональной оформленностью.
3. Мифологический персонаж всегда (даже если он представляет собой одиночную функцию) обозначен именем. В зависимости от субstantивной оформленности персонажа имя может быть предметным или предикатным.

Литература

- Гнатюк 1912/1-2 — В. Гнатюк. Знадоби до україньскої демонології // Етнографічний збірник. Львів, 1912. Т. 33, 34.
- Колесса 1898 — Ф. Колесса. Людові вірування на Підгір'ю // Етнографічний збірник. Львів, 1898. Т. 5.
- Левкиевская 1993 — Е. Е. Левкиевская. Мифологические имена-апотропеи в карпатском ареале // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения-2. М., 1993.
- Схема 1989 — Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая и др. Схема описания мифологических персонажей // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран юго-восточной Европы. Москва, 1989.
- Nadmorski 1892 — J. Nadmorski. Kaszuby i Kociewie. Poznans, 1892.
- Села:
- Боровое Заречнянский р-н Ровенская обл. (зап.?)
- Жаховичи Мозырский р-н Гомельская обл. (зап. 1983г.)
- Олбин Козелецкий р-н Черниговская обл. (зап. 1985г.)
- Радчицк Столинский р-н Брестская обл. (зап. 1984г.)
- Сура Пинежский р-н Архангельская обл. (зап. 1986г.)
- Тисов Долинский р-н Ивано-Франковская обл. (зап. 1988г.)
- Тихманьга Каргопольский р-н Архангельская обл. (зап. 1994г.)
- (В случаях, когда не указана фамилия собирателя, запись сделана автором).